

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Анна Сергеева-Клятис

МОСКВА

Наш рассказ — о повседневной жизни Михайловского, имения, принадлежавшего семье А. С. Пушкина. Первая часть книги посвящена преимущественно двум годам — с начала августа 1824-го по сентябрь 1826-го. Эти два года Пушкину пришлось прожить здесь безвыездно. Он был сослан под надзор местных псковских властей императором Александром I. Фактически это было продолжением опалы: еще в 1820 году Пушкин был удален государем из Петербурга за радикализм во взглядах и вольнодумство в стихах. Южная ссылка, в которую отправился тогда поэт, его не исправила. Находясь в Кишиневе, а потом в Одессе, Пушкин вел себя вызывающе, дрался на дуэлях, ссорился с начальством, дружил с либерально настроенной молодежью, писал куда более радикальные стихи, чем в Петербурге, затевал скандальные романы, в конце концов был уличен в атеизме. Результатом явилась новая ссылка.

В истории литературы этот плодотворный в поэтическом отношении период творчества Пушкина так и называется — михайловским. Конец затянувшейся опале положил следующий император, Николай I. Однако надо признать, что из псковской деревни приехал уже совсем другой поэт, не тот, который по высочайшему повелению спешно покидал Петербург за шесть лет до этого. Тогда Пушкин был только автором нашумевшей поэмы «Руслан и Людмила», нескольких напечатанных стихотворений и

нескольких ходивших в списках по рукам. Теперь за его плечами были уже южные поэмы, десятки опубликованных текстов — золотая россыпь русской лирики, добрая половина «Евгения Онегина», «Борис Годунов». Было пережитое и уже преодоленное восхищение романтизмом Байрона, подпитывавшееся экзотикой южной природы России. 27-летний Пушкин был зрелым поэтом, а его «катастрофическая эволюция» всё набирала ход.

В Михайловском произошло, собственно, то, что впоследствии повторялось еще несколько раз: в условиях вольного или невольного ограничения свободы Пушкин начинал интенсивно работать. Летописец этих мест А. М. Гордин сообщает: «В скромной серенькой комнате Михайловского дома за два года создано около ста произведений, не говоря о тех, которые здесь только задуманы и начаты»¹. Сам Пушкин отдавал себе отчет в том, что находится на творческом подъеме. Н. Н. Раевскому он пишет: «Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить»². В то же самое время идет ответный процесс: значение пушкинской поэзии для русского общества очевидным образом возрастает. Ю. М. Лотман пишет: «В годы ссылки в Михайловском Пушкин становится признанным первым русским поэтом. Обязательные эпитеты Пушкин-лицейский, Пушкин-племянник, Пушкин-младший (для того чтобы отличить от дяди — поэта Василия Львовича Пушкина) при упоминаниях его имени в переписке современников исчезают. Он делается просто Пушкин, и уже при имени В. Л. Пушкина прибавляется поясняющее «дядя». Выход в свет в марте 1824 года «Бахчисарайского фонтана» с предисловием Вяземского, в феврале 1825 года — первой главы «Евгения Онегина» и в конце того же года — «Стихотворений Александра Пушкина», журнальная полемика вокруг этих изданий, распространение (главным образом через брата Льва, против воли самого поэта) его еще не напечатанных произведений ставят его на место,

---

¹ Гордин А. М. Пушкин в Михайловском. Л., 1939. С. 79.

² Пушкин А. С. Письмо Н. Н. Раевскому, вторая половина июля (после 19-го) 1825 (№ 149) // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л., 1979. Т. 10. С. 610 (пер. с фр.). Далее — ПСС, с указанием тома и страницы.

значительно возвышающееся над другими русскими поэтами»¹.

Нужно заметить, что Михайловская ссылка удивительным образом благотворно сказалась не только на творчестве Пушкина, но и на его жизни. Уединение, возможность сосредоточиться, погружение в свой внутренний мир, а также в мир природы Михайловского, магическое воздействие которой отмечает всякий, кто побывал там, сделали свое дело. Сам характер Пушкина изменился, он стал спокойнее: душевное равновесие, которое он неожиданно обрел в деревне, давало теперь силы для нового жизненного витка; согласие с самим собой — почву, которая раньше не казалась столь твердой. Месяцы уединения, глубоких раздумий, чтения и размышлений над прочитанным по-новому выстраивали его систему взглядов; появилась определенность в творческих целях, был в полной мере обретен собственный неповторимый голос.

Повседневность жизни Пушкина в его псковском уединении станет главным предметом этой книги. Мы попытаемся проследить мелкие детали его быта, ежедневных впечатлений, общения. Надеемся, что это поможет понять, как постепенно складывалась система, со временем давшая феномен, который мы называем «зрелым Пушкиным». Как из автора «Руслана и Людмилы» и «Царя Никиты» вырастает автор не только «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова», но и «Маленьких трагедий», и «Капитанской дочки», и каменноостровского цикла. Ведь обстоятельства повседневности для любого человека важны не меньше, чем крупные исторические события и переломы эпох. Из них преимущественно складывается человеческая жизнь, «всесильный бог деталей» стоит за всеми ее перипетиями.

Начальные главы первой части будут посвящены появлениям Пушкина на земле Михайловского, предшествующим его ссылке, а также некоторым биографическим и творческим обстоятельствам, формировавшим поэта в это время и определившим его личные приоритеты. Нам кажется, что без этих сведений будет очень трудно понять, какой человек оказался 8 августа

---

¹ Лотман Ю. М. А. С. Пушкин. Биография писателя // Лотман Ю. М. Пушкин. СПб., 1995. С. 103.

та 1824 года вброшенным в быт псковского имения и какими глазами он должен был смотреть на окружающую его деревенскую реальность, что чувствовать, о чем размышлять. По мере необходимости мы будем привлекать также события и сопровождающие их обстоятельства после 1826 года, связанные с более поздними приездами Пушкина на псковскую землю, куда он много раз еще возвращался уже вольным человеком, зачастую вспоминая дни своей ссылки с ностальгическим чувством.

Вторая часть книги описывает повседневную жизнь Михайловского без Пушкина. В ней особое место займет судьба Пушкинского заповедника в послевоенные годы. Завершится наше повествование несколькими литературными и публицистическими текстами, фрагментами из произведений и очерков, посвященных пушкинским местам и их атмосфере. Все они написаны в разные годы, их авторы профессиональные литераторы, чей взгляд выхватил некоторые любопытные детали быта и повседневности, которые могут служить дополнением или подтверждением использованных в книге описаний.

Мы старались не перегружать читателя ссылками на источники, но назовем их — хотя бы для того, чтобы иметь возможность произнести имена крупнейших исследователей и знаменитых мемуаристов, предоставивших нам бесценный материал о творческом пути Пушкина.

Главный наш источник — письма, мемуары, документы эпохи. С одной стороны, такого материала в нашем распоряжении предостаточно: на страницах этой книги читатель неоднократно встретится с пространными цитатами из писем Пушкина, его современников, воспоминаний родных, близких друзей и отдаленно знакомых с ним людей. Все эти свидетельства мы должны принимать к сведению, но редко каким из них можно верить безоговорочно. Особенно осторожно нужно относиться к мемуарам. Понятно, что имя Пушкина еще при жизни его стало широко известным. Вскоре после гибели поэта, уже в 1850-х годах, возникли первые попытки собрать связанный с ним живой биографический материал. П. И. Бартенев и П. В. Анненков, первые биографы поэта, опрашивали тех людей, которые знали

Пушкина, хорошо помнили обстоятельства его жизни, бытовую обстановку, в которой она протекала. Мемуаристы, как правило, не старались специально обмануть своих интервьюеров, но время, прошедшее с той поры, о которой они рассказывали, и груз пушкинской славы, уже тяготевшей над ними, заставляли их невольно сворачивать с прямой дороги. То же, а может быть и в большей степени, касается и письменных мемуаров — здесь зачастую автор, помимо уже указанных сложностей, сталкивался еще и с искушением беллетризации, которое зачастую уводило в сторону. К сожалению, у нас нет точного измерительного прибора, который всегда мог бы безошибочно показать на своей шкале степень удаления от истины, поэтому некоторую часть книги займут сличения разных свидетельств и попытки добраться до сурового факта. Впрочем, мы отдаем себе отчет не только в том, что успех в таких случаях всегда может быть только относительным, но и в том, что зачастую его достижение не обеспечивает победы над материалом — не дает ощущения эпохи, ее мелкой фактуры. Собственно, главным доказательством этому служит вся история Михайловского. Смысл этой фразы читатель еще будет иметь возможность оценить в дальнейшем.

Свою работу мы можем сравнить (и здесь такое сравнение напрашивается) с деятельностью музейного работника, который кропотливо воссоздает атмосферу и быт эпохи. Конечно, он всегда старается, чтобы музейное пространство максимально точно отражало то время, которому оно посвящено. Но доля условности во всяком, даже самом профессионально выстроенном музее все равно велика. Многие невозможно сопроводить точными доказательствами, и от посетителя требуется способность верить. История культуры вообще, а в особенности русская — дискретная — история, обладает исключительно короткой памятью. Она словно стремится к тому, чтобы прошлое было основательно и быстро забыто, поэтому требуются постоянные усилия для его консервации. Если же такие усилия не прилагаются, а, наоборот, каждая эпоха стремится к скорейшему забвению предшествующей, как происходило в России на протяжении столетия, протекшего с 1917 года, то многое утрачивается безвозвратно. Уходит в небы-

тие прежде всего вещный мир, бытовой обиход, элементы повседневности — эфемерная материя, которая наиболее трудно подлечит «увековечиванию». Так, обиход пушкинского времени, мало того что отошел в прошлое уже на два столетия, что само по себе немало, но еще сгорел в огне революции, был вытравлен из памяти советской идеологией, разрушен немецкой оккупацией, добит социалистическим строительством или полным пренебрежением 70-х, культурной нищетой 90-х. До сих пор по всей территории России встречается еще это руинированное прошлое, не востребованное новейшими поколениями, утратившими не только кровную связь с ним, но и интерес к собственной истории. К сожалению, это понятно и объяснимо. Условность, спорность и иногда зыбкость построений и догадок исследователей объясняются упомянутыми обстоятельствами.

Будем же помнить, что пушкинская эпоха находится от нас на таком значительном временном расстоянии, что многое кажется в ней почти сказочным, полулегендарным, кинематографическим. От читателя потребуется определенное усилие, чтобы попытаться вжиться в нравы, обиход и быт этого времени, которое без преувеличения можно назвать самым оптимистическим периодом русской истории — столько надежд на будущее таило оно в себе.

Когда мы произносим слова «повседневная жизнь Михайловского» или «повседневная жизнь русского Берлина», мы вольно или невольно используем метонимию: вместо людей, живущих в этих местах, мы называем саму географическую точку. На самом же деле речь, конечно, идет о повседневной жизни тех, кто населял эти места в интересующее нас время. В этой книге, в частности, — об Александре Сергеевиче Пушкине, его сыне Григории Александровиче, Семене Степановиче Гейченко и многих других, кто жил на этой земле и оставил на ней свой след. Согласимся с И. А. Манкевич, которая утверждает: «В пространстве повседневности сходятся “линии жизни” всех сфер человеческого бытия, и потому повседневность как таковая, “в чистом виде”, не существует. Ее ядро поддается “расщеплению” лишь на теоретическом уровне, но и эти расчеты будут весьма приблизительными, так как реальная повседневность —

это “наше всё” попеременно с иным, “не нашим”»¹. Мы не обойдемся без хронологического способа повествования, но жизнь Пушкина в Михайловском была настолько бедна событиями, что все их можно перечислить на одной странице, поэтому главное, что будет занимать нас, — не вопрос «что произошло?», а описание того, *как* это происходило.

Сердечную благодарность за человеческую поддержку и профессиональную помощь в этой работе хочется выразить Ольге Николаевне Купцовой, Екатерине Евгеньевне Дмитриевой, всем сотрудникам Пушкинского заповедника, которые обретают утраченное время и щедро им делятся. И особенно — Ирине Юрьевне Парчевской, из рук которой я получила самые живые впечатления о мире Пушкиногорья и его обитателей.

Светлой памяти Ирины Юрьевны мне хотелось бы посвятить эту книгу.

---

¹ *Манкевич И. А.* Повседневный Пушкин: Поэтика обыкновенного в житийности русского гения. СПб., 2013. С. 7.

«ОТЕЧЕСКИ ПЕНАТЫ»

«...Тотчас уехал в Псковскую деревню...»

9 июня 1817 года Александр Пушкин наконец простился с Лицеєм. Трогательные воспоминания о месте, где юному гению стала впервые «являться Муза», о лицейском братстве, о беззаботности ранней юности возникнут несколько позже. К моменту же выпуска царскосельское отечество то и дело представляло в поэтических опытах Пушкина тюрьмой, застенками, монастырем, жестоко ограничивающим естественные проявления личности. Прежде всего, конечно, свободу любовного чувства. Желанной, хотя и вполне условной возлюбленной поэт жалуется:

Взглянь на стены возвышенны,
Где безмолвья вечный мрак;
Взглянь на окна загражденны,
На лампы там зажженны...
Знай, Наталья! — я... монах!

Близящееся расставание с Царским селом, слегка окрашенное грустью и в гораздо большей степени — предощущением скорого перемещения в столицу, сулило коренное изменение жизни. Пушкин присутствовал на выпускном акте, получил свидетельство об окончании Лицея, прослушал отеческое наставление императора Александра I, спел прощальную песню, написанную Дельвигом. И через два дня покинул «сады Лицея», с тем чтобы прочно обосноваться в Петербурге, где засидевшегося на школьной скамье юношу ждала давно грезившаяся в лицейском уединении свобода.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	6
Часть первая. «ОТЕЧЕСКИ ПЕНАТЫ»	13
«...Тотчас уехал в Псковскую деревню...»	13
«Простите, верные дубравы!»	30
«Я — твой...»	37
«Голубка дряхлая моя»	50
«В далекий северный уезд»	55
«Скука смертная везде»	60
«В семье своей родной...»	63
«Наша ветхая лачужка»	67
«Ужасный прожора»	70
«Долго ль мне гулять по свету...»	74
«Кот ученый всё ходит по цепи кругом»	78
Реальный комментарий	
к одному пушкинскому посланию	81
«...Как у вас тут хорошо!»	99
«Книг, ради бога, книг!»	105
«Гений чистой красоты...»	107
Ольга Калашникова и другие	119
План побега	130
...Мы встретились и братски обнялись	142
«Когда б я был царь...»	157
«Вновь я посетил...»	167
Святогорский монастырь	195
«И спросить мне хотелось: что видишь?»	211
«...Средь отеческих могил»	216
Часть вторая. ПОСЛЕ ПУШКИНА	225
Родное пепелище	225
В годы войны	246
Хранитель	258
Вместо биографии	258
Новая жизнь	267
Портрет заповедника на фоне Гейченко	274
Обустройство дома	274
Миссия	276
Петух и кот	280
Ничто человеческое	282
Genius loci	287
Праздничные будни	289
Колокол	292

Послесловие	296
Приложения.....	298
<i>Константин Случевский</i> . По Северу России. <Святогорский монастырь> (фрагмент) (1888)	298
<i>Иван Щеглов</i> . По следам Пушкинского торжества (Из записной книжки)	302
<i>Константин Паустовский</i> . Михайловские рощи (1935).....	307
<i>Василий Субботин</i> . Земля Михайловского (1973)	314
<i>Андрей Дмитриев</i> . Дорога обратно (фрагмент) (2001)	316
<i>Валентин Курбатов</i> . Михайловское — пространство игры (2004)	325